

НАТАЛЬЯ ГОЛУБЕВА

СКАЗКИ ТЁТУШКИ РУФЬ

«Літаратура і Мастацтва»
Минск
2011

УДК 821.161.1(476)-93
ББК 84(Беи=Рус)-44
Г62

Выпуск издания осуществлен по заказу
и при финансовой поддержке Министерства информации
Республики Беларусь

Для детей среднего школьного возраста

Голубева, Н. А.
Г62 Сказки тётушки Руфь : для детей сред. шк. возр. / Наталья Голубева ; худож. Рита Тимохова. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2011. — 152 с. : илл.
ISBN 978-985-6994-39-8.

Тётушка Руфь живёт в дремучем лесу вместе со своими друзьями: толстой ежихой Чифой, собакой, ястребом Реем, зайчихой Трасис... Она всем помогает: накормит, обогреет, вылечит. В благодарность ей дарят сказки. И набралось их у неё несметное множество. А когда кто-то хорошие дела совершает или добрый человек в дом зайдёт, то дарит тётушка Руфь ему сказку.
Для детей среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1(476)-93
ББК 84(4Беи=Рус)-44

ISBN 978-985-6994-39-8

© Голубева Н. А., 2011
© Вежан Н. Л., перевод
на английский язык, 2011
© Тимохова Р. М., иллюстрации, 2011
© Оформление. РИУ «Літаратура
і Мастацтва», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки тётушки Руфь
7

О коварной жабе-аге Сирме,
мудрой Эрме и её друзьях
13

Тайны земли Артании
37

Нерпа — царица льдов
73

На замковых развалинах
107

Aunty Ruth's fairy-tales
(Translated by Vezhan Natalia)
137

Сказки тётушки Руфь

Жила-была на свете, в дремучем лесу, вдалеке от людей, тётушка Руфь. Как она там оказалась? Это давняя, очень давняя история. Когда Руфь была ещё юной златовласой красавицей и жила в панском доме, со всей округи приезжали к ней свататься самые завидные и богатые женихи. Но ей никто не нравился, потому что разговоры они вели только о богатстве — хвастали, кто больше всех земли и слуг имеет.

А любила златовласая Руфь лес с его тайнами и величественной красотой. Едва только выдавалась свободная минутка, бежала Руфь по знакомым тропинкам к заветной поляне, покрытой мягким ковром, что выложил тут лесной мох, а оттуда к болотному царству, чтобы подразнить сварливых уток, затем выбегала на пригорок кликнуть птичек-сестричек и узнать новости, которые приносили они со всех концов леса, а потом — к Дровосеку. Жил он на делянке в дремучем лесу, да так далеко, что добраться до его избы можно было только по тропам, известным немногим. Руфь нравились его рассказы о тайнах леса, где обитало много разных зверей, о том, как живут они, какие у них повадки и как они все между собой ладят. А главное — научил её Дровосек язык обитателей леса понимать.

Больше всего подружилась Руфь с толстой ежихой Чифой да сильным и гордым ястребом Реем. Они часто в усадьбу наведывались — в лес её звали. Идёт, бывало, Руфь вместе с ежихой, а над ними ястреб кружит, сверху всё высматривает, нет ли кого страшного и коварного на пути. А на делянке их уже Дровосек да разные звери поджидают.

Когда же собирались все вместе, устраивались они поудобнее в избе Дровосека, где по стенам гроздья рябины да калины развешаны были, а на лавах всякие травы, коренья лежали, для сушки приготовленные. Он всегда был рад дорогим гостям и угощал приготовленной в печи тыквенной кашей с пшеном, от которой исходили такие ароматы, что хотелось поскорей отведать, настоем из мяты и душицы, кореньев дикой малины и прозрачного лесного мёда.

А когда в печи начинали перешёптываться языки разгорающегося пламени, тогда и Дровосек начинал свой рассказ: сперва о травах — тонких и нежных, что ковром по земле расстилаются, потом о сильных и высоких, что путь врагу преграждают. Дальше сказ шёл о деревьях разных, что в лесу растут, об их характерах, и о том, почему дуб с рябиной всегда ссорятся. И каждый раз Руфь со своими друзьями, затаив дыхание, слушала новую историю о таинственной и загадочной жизни дремучего леса и его обитателей.

Однажды ранним утром проснулась Руфь от стука в окно. Выглянула — а это ястреб клювом тычет. И в глазах у него такая тревога! Разволновалась Руфь, стала вдаль вглядываться и заметила, что густая трава колышется. Пригляделась, а там ежиха Чифа лапками перебирает и тоже волнуется. Набросила Руфь платок на плечи и выбежала на улицу.

А там уже друзья поджидают, да в сторону делянки увлекают. Поняла Руфь, что беда какая-то приключилась, и побежала что было мочи туда, где жил Дровосек. Она падала, сбивала коленки, но поднималась и вновь устремлялась вперед. А когда подбежала к делянке, то глазам своим не поверила. Изба была сожжена, один только очаг и остался. Дровосека нигде не было. Присела Руфь на обгоревшее поленце и горько заплакала. Тяжело ей было, что на земле ещё злые люди живут, горе приносят, человеческую жизнь не щадят.

Сколько времени прошло, не знает никто. Только вдруг кто-то лизнул её в щёку. Подняла Руфь голову и увидела, что рядом дикая

собака стоит и в глаза ей заглядывает. Когда-то хозяева собаку эту из дома выгнали. Долго она по лесу блуждала, дралась за добычу с его обитателями. Однажды встретил собаку Дровосек, подзывать стал, но она уже совсем одичала и людям больше не верила — обиду простить не могла, боялась их. Дровосек нашёл для бедной брошенной собаки такие добрые слова, что она поверила ему и пошла за ним. Дровосек приютил дикую собаку, раны её залечил, на охоту с собой брать стал, а потом и вовсе они уже не расставались. Подружилась и Руфь с ней.

Лизнула собака опять Руфь в щёку и в глаза ей смотрит, да так, будто сказать что-то хочет, волнуется. Оглянулась Руфь и увидела, что медведь перед собой бревно огромное толкает. А в лесу треск стоит! Прислушалась Руфь и поняла, что это дерево упало. Оказалось, медведица тоже сосну повалила и подтолкнуть вперёд норовит.

Утёрла слёзы Руфь. Негоже плакать, когда все друзья её, звери лесные, уже работой заняты, — избу восстанавливать нужно! Поднялась Руфь с поленца, рукой взмахнула, и со всей округи птицы враз слетелись. Велела она им в клювах соломинки-травинки принести — крышу новую стелить. Медведице в ушко добрые слова пошептала, и та в лес бросилась, а вскоре и подмогу привела. Закипела работа: медведи брёвна валили да на поляну катили, а потом друг на дружку складывали; лисицы со старого болота мох таскать стали, а птицы своими клювами меж брёвен его заталкивали. Вскоре посреди поляны дом вырос красоты необыкновенной, потому что сделан он был с большой любовью.

А когда все звери на поляне собрались, вдруг заволновались птички-сестрички, бросили клич и разлетелись в разные стороны. Вскоре в клюве принесли они по зёрнышку, в землю бросили — и вырос цветник вокруг дома. Каких только цветов тут не было! Заискрились они яркими красками. А радости сколько! Птицы на все голоса песни распевать стали, медведи в пляс пустились. И зайчата, и лисята, и ежата — все звери лесные ликовали, что вновь дом дровосека на поляне стоит, да ещё краше стал. Но больше всех Руфь радовалась — зверюшек обнимала, с птичками, что венок ей красивый сплели, хороводы водила.

А когда веселье было в разгаре, спохватилась Руфь, что домой ей пора возвращаться.

Опечалились звери — совсем одни они остаются... Глянула девушка в их глаза, полные грусти, и поняла, что никогда не сможет уйти от своих друзей. Так и осталась Руфь жить в лесном доме, а помогать ей стали верная ежиха Чифа, а ещё зайчиха Трасис с зайчатами Веном и Лудом, лиса Эка, да и все звери и зверюшки, с которыми она подружилась.

Поутру они все вместе за грибами-ягодами ходили, травы-коренья собирали и сушили, а Руфь потом из них отвары в печи готовила да в глиняные горшки разливала — запасы на зиму делала. И разнеслась по всему лесу дремучему молва о доброй Руфи, которая всем помогает: в дом пустит, обогреет, приласкает зверюшку, от голода убережёт, а если путник какой или охотник забредёт на делянку, то обязательно накормит, а потом дорогу домой укажет. Кого-то Руфь лечила, а кого просто вкусной едой потчевала, для кого-то очаг разводила, кому-то душу

добрым словом согревала. А в благодарность ей сказки дарили. И набралось их у неё несметное множество.

Так и жила Руфь в лесу со своими друзьями.

А однажды пан возвращался с охоты домой да сбился с пути и в лесу заблудился. Время было холодное, зима на дворе. Стал пан замерзать, совсем силы его покинули, и не знал он, что рядом с делянкой находится. Учуяла дикая собака человека, выбежала в лес и в избу его привела. Всю зиму Руфь пана лечила, выхаживала, а чтобы не тосковал он по родному дому, сказки рассказывала, да так красиво и каждый раз новые, что не заметил пан, как весна пришла. Вышла Руфь со своими друзьями его в дорогу проводить, а у пана слёзы на глазах выступили. Родными они все ему стали, тяжело было с ними расставаться. Но дома его тоже ждали!

Побежала впереди толстая ежиха Чифа, дорогу указывая, а сильный ястреб Рей их путь оберегал.

Вернулся пан домой и стал думать, как же отблагодарить Руфь, которая так долго уже в лесу жила, что из юной красавицы превратилась в добрую и всеми любимую тётушку. И придумал: послал он ей ларец красоты необыкновенной, драгоценными камнями усыпанный, а по центру узор из сапфиров да изумрудов выложен — чтобы сказки свои она туда складывала.

С тех самых пор, когда добрый человек в дом захаживал, открывала тётушка Руфь драгоценный ларец и дарила ему сказку.

Вот и тебе за твои добрые дела и хорошие поступки тётушка Руфь тоже дарит сказку.

О коварной жабе-аге Сирме, мудрой Эрме и её друзьях

Это был обычный день жабьего царства, когда в лесу с восходом солнца одни жабы отправлялись на покой, потому что были приспособлены вести только ночной образ жизни, а другие встречали рассвет дружным перекваканием.

— Ква-ква-ква, ква-ква-ква, — наперебой тарахтели сплетницы, разнося по болоту последние новости.

— Сегодня снова жабы узкоротые за жабой-повитухой подсматривали, как та самцов дразнила, — сообщила жаба из семьи настоящих жаб с коротким и толстым туловищем, бесхвостая, с шершавой кожей.

— Ква-ква, ква-ква-ква! — захохотали подружки.

Они всегда насмехались над живущими под землёй, на земле и даже на деревьях узкоротыми жабами — серыми, коричневыми или красноватыми, маленькими и коренастыми, с гладкой кожей.

— Хороша компания: вся в бородавках жаба-повитуха грязно-серого цвета и эти узкоротые! Ква, фу! Как неэстетично! — уже звонким смехом заливалась всё та же жаба из семьи настоящих жаб.

— Ква-ква-ква, ква-ква! – продолжали хохотать подружки.

— Ква-а-а, ква-а-а, — подала условный сигнал дождевая лягушка, которая всегда внимательно следила за всем, что происходило вокруг, и, как только появлялось что-то интересное, тут же сообщала новость.

Все замерли — если их прервали на самом интересном месте, значит, действительно что-то случилось.

Из воды вылез сам предводитель красных жаб Герр и стал внимательно вглядываться в ту сторону, где начинались владения зелёных лягушек. Они жили в траве и недалеко от соседнего водоёма, но в последнее время их стали замечать около границ жизненного пространства красных жаб.

«Всё! Началось! Значит, слухи, которые доходили до нас, — истинная правда. Судя по последним перемещениям зелёных лягушек, они в ближайшее время всё же осуществят нашествие на наше болото», — рассуждал Герр, предводитель красных жаб.

Неподалёку вынырнул его верный друг и слуга Кваак. Он был молод и силён, его плотное мускулистое бесхвостое тело, покрытое жёсткой шершавой кожей, было необыкновенно красивым, а от зоркого взгляда выразительных выпуклых жабьих глаз ничто не могло ускользнуть. Это Кваак первым заподозрил что-то неладное вокруг их болота. Это он первым заметил, что недалеко — даже совсем близко, до обидного близко — то тут, то там снуют зелёные лягушки.

«Такого ещё никогда не было! Предательство Квинта? Сговор с зелёным Квиром? Он ведь тоже знает нашу тайну, которая не даёт ему покоя много лет», — размышлял Герр, предводитель красных жаб, теряясь в догадках.

— Ква-а-а, ква-а-а, — тихо проквакали рядом.

Герр сразу узнал мудрую Эрму. Она не могла скрыть волнения, наблюдая со своей коряги за всеми передвижениями Кваака. Несмотря на старость, Эрма не только не утратила зоркость и чутьё, но с годами приобрела способность предвидеть. Вот и сегодня ночью, наблюдая за звёздами внимательным взглядом своих больших и всё ещё красивых лупатых глаз, она почувствовала что-то неладное.

В разведку сразу отправили Кваака. Герр понял — предчувствие Эрмы, некогда всемогущей правительницы красных жаб, вновь не подвело её.

Они собрались на тайный совет: Герр, Эрма и Кваак.

— К нашему болоту движется несметное количество зелёных лягушек, и они пытаются обойти его со всех сторон, — квакал заикаясь от волнения Кваак. — Надо поднимать тревогу, всех жаб спрятать на дне болота, а вперёд немедленно отправить войско Квинта. Оно должно преградить путь зелёным лягушкам.

— Ква-а-а, ква-а-а, — размышлял Герр. — Зелёный Квир давно хотел захватить наше болото и земли вокруг него. Здесь много кустарниковых зарослей по берегу, чистая вода. Это его стихия. А недалеко есть ещё одно болото, и путь до него сплошь травянистый. Это как раз удобное место для войска и слуг — травяных и зелёных лягушек. Коварному Квиру всё мало места. Он продолжает и продолжает завоёвывать новые земли, болота и водоёмы. Но наши?..

— Ква-а! Ква-а! – категорично проквакала мудрая Эрма. — Надо спасать нашу тайну! Если он завладеет ею, да ещё разгадает, нам придётся подчиниться страшной и коварной жабе-аге, гигантской Сирме. Это она посылает зелёного Квира на наши земли. Она владеет всем и всеми, кроме нас. И зелёный Квир давно мечтает о нашем болоте. Зная, как оно неприступно, втёрся в доверие к гигантской Сирме и теперь наверняка с ней в сговоре, заручился поддержкой.

Зависть, жадность и желание владеть всем жабьим царством помутило его рассудок. Он стал чёрств, жесток и бездушен. Сначала Квир предал, обманным путём подчинил себе обычных лягушек, наивных и доверчивых. Потом покорил травяных лягушек, вытеснил их из травы около водоёма, где они жили очень долго. И им ничего не оставалось делать, как служить зелёному Квиру,

чтобы остаться на своей территории и не погибнуть. Вот только нас он никак не может завоевать. Надо попытаться добраться до лягушки-быка, старого и мудрого Талька. Только он может урезонить злую жабу-агу Сирму.

— Ква-а, ква-а, — обдумывал Герр слова мудрой Эрмы. — Ква-а, ква-а, ты права. Но ты стара, а до Талька долгий путь к чистому водоёму в кустарниковых зарослях, и он небезопасен. А слушать Тальк будет только тебя, Эрму, — с тревогой в голосе высказывал свои мысли вслух Герр.

— Ква, ква, ква, — быстро заговорила Эрма, обеспокоенная, что совет закончится ничем и у неё не будет возможности высказать своё мнение.

А над ними нависла опасность. — Да, я стара, но это и хорошо. В пути на меня никто не обратит внимания. Кому нужна дряхлая жаба? Да и дорогу до Талька лучше меня не знает никто. Герр, пойми, если тайной завладеют злые лягушки и о ней узнает гигантская жаба-ага Сирма, они распорядятся ею в своих коварных целях.

И тогда исчезнут, высохнут болота и водоёмы, и даже наши дождевые лягушки не допросятся дождя, чтобы их наполнить. А если высохнут болота и водоёмы, погибнет лес со всеми его обитателями, и на его месте будут бродить полчища зелёных лягушек да узкоротых жаб, которые могут жить на земле и под землёй. Если же Тальк не в состоянии будет помочь, тогда нужно будет поднимать на борьбу с зелёным Квиром и коварной Сирмой всех лесных обитателей. И это сможет сделать только мудрая волчица Арри, и только я могу обратиться к ней с такой просьбой.

Герр молчал, понимая, что не может с Эрмой отправить Кваака, который в случае опасности защитил бы её. «Он — нужен здесь! Кваак из семьи настоящих жаб, а значит — храбрый воин! Если зелёный Квир всё же решится напасть, Кваак должен стать надёжной опорой. У меня нет другого выхода», — рассуждал предводитель красных жаб.

* * *

— Ква-а-а, ква-а-а. Старая Эрма куда-то исчезла. Нырнула под корягу и больше не появлялась, — почти шёпотом передавали друг другу новость местные сплетницы.

А тем временем старая Эрма незаметно выбралась из болота и вышла на только ей известную дорогу. Передвигалась она медленно, оглядываясь по сторонам, стараясь всё замечать и примечать, не грозит ли опасность. Вот и теперь, осмотревшись, она выпрыгнула из высокой травы и оказалась на небольшой поляне, сплошь покрытой мхом.

Эрма замерла, прислушиваясь к каждому шороху. Так важно было не потерять серебряную булавку, которая висела у неё на

шее на тоненькой, едва заметной серебряной нити, и схорониться самой.

— Квах-квах-квах-квах. Опять эти противные муравьи. Их так много и они создают столько шума, что из-за них почти ничего не слышно, ничего невозможно разобрать, — ворчала Эрма. — Главное — пройти территорию серых лягушек и остаться незамеченной. Эти ненавистные серые лягушки-предательницы! Стоило только зелёному Квиру предложить им союз, как они сразу нас предали, стали следить за нашим водоёмом и всё рассказывать Квиру.

Не успела Эрма подумать о нём, как раздался приглушённый топот. «Неужели погоня? Неужели Квир разгадал мои планы?» Она с тревогой прислушалась. «Да, так могут передвигаться только зелёные лягушки, быстро шагая и тяжело ступая на землю своими сильными лапами», — с ужасом подумала Эрма, оглядываясь по сторонам и решая, что же ей предпринять, как укрыться от преследователей.

— Ух, ух, — отдавалось эхом. — Ква-а, ква-а, — слышалось уже рядом.

Эрма вновь замерла. «Это погоня, я не ошиблась. Квир разгадал мои планы. Он по-прежнему умён и хитёр». Она затаилась. «По моим подсчётам, скоро должен появиться овражек, поросший крапивой и лопухами, а за ним лесной валежник, родник, частый ельник, высокая трава. Значит, я почти добралась до логова Арри. Её владения – тайна из тайн, и к ним она никого не подпускает. Лягушки Квира туда даже подойти не решатся. Если мне удастся добраться до логова, наша тайна будет спасена и серебряная булавка никому не достанется. Арри поможет пройти путь и до лягушки-быка, а если узнает правду о коварных замыслах зелёного Квира, то поднимет всех лесных жителей на борьбу с зелёными лягушками.

— Ух, ух, — ух, — слышалось рядом**.** Эрма спрятала под себя заветную булавку и распласталась на земле, пытаясь остаться не-

замеченной. Она понимала, что зеленые лягушки обходят её со всех сторон и вырваться из этого кольца будет сложно, а может, и невозможно.

Эрма слышала уже не только топот приближающихся зелёных лягушек, но и самодовольное поквакивание от предвкушения скорой победы и даже их дыхание.

«Неужели это конец? — думала Эрма. — Ну нет, хоть я и стара, но не позволю захватить себя в плен и завладеть серебряной булавкой. Зелёные лягушки никогда не узнают тайну!» Эрма всегда была сильной и независимой и не привыкла проигрывать сражения. А гибкий ум позволял предвидеть их исход. Сколько было на её веку безвыходных ситуаций и жестоких схваток! В одно мгновенье пронеслась перед ней вся жизнь, наполненная постоянной борьбой за сохранение власти и территории. Казалось, наступил долгожданный покой. Но нет, судьба распорядилась иначе.

Эрма выскочила из высокой травы и приготовилась выпустить яд. Толстая, сухая, покрытая бородавками кожа на спине, напряглась...

Перед ней стоял зелёный Квир.

— Ква-а-а-а, ква-а-а-а, ква-а-а-а, — содрогаясь от смеха, квакал Квир, не пытаясь даже скрыть своей радости. — Ква-а, ква-а! Вот мы и встретились, старая Эрма. Ква-ха-ха-ха! Ты стара, и от твоей воинственности не осталось и следа. Ква-ха-ха-ха! Посмотри на себя! Да ты совсем одряхлела!

Кольцо сжималось.

Эрма выпустила яд. Зелёные лягушки отшатнулись и ненадолго замерли, а потом снова стали наступать на Эрму.

— Ква-ха-ха-ха, — потешался зелёный Квир. — Теперь тайна будет нашей, а тебя проклянёт всё семейство настоящих жаб.

Эрма вновь выпустила яд. Оправившись от нанесённого удара, зелёные лягушки обступили Эрму плотным кольцом.

—Ква-а, ква-а, — раздался вдруг знакомый голос.

Раздвинув ряды зелёных лягушек, вперёд вышел Квинт. Эрма замерла от неожиданности.

— Ква-а, ква-а, ква-а… Отдай волшебную булавку, раскрой тайну жемчужного наконечника, и ты будешь спасена, — почти шипел он, медленно приближаясь к Эрме. — Герр и Кваак всё равно погибнут. Они не смогут победить зелёных лягушек во главе с могущественной гигантской жабой-агой Сирмой! Настоящие жабы должны погибнуть, и тебе нет больше смысла хранить эту тайну!

«Предательство! Это предательство! Прав был Герр, что не доверял Квинту, всегда угодливому и льстивому, хоть тот и был советчиком в его свите».

Эрма находилась в смятении. Слишком тревожной была весть, которую она услышала. «Но я не сдамся и булавку ни за что не отдам, сохраню нашу тайну. Я погибну, я знаю, но всё равно буду сражаться», — приняла решение Эрма, крепко сжав во рту волшебную булавку, готовая в любую минуту проглотить её.

Вдруг послышался шум — могучие крылья мощными взмахами рассекали воздух. Зелёные лягушки сначала прижались к земле, а потом бросились врассыпную. Сильный ветер сбил их с ног, и они покатились кубарем. Эрма даже не успела заметить, как оказалась в воздухе. Сокол Ярик уносил её подальше от этих мест, подхватив за лапку. Ярик гнездился на болоте, недалеко от их водоёма; он первым заподозрил неладное — слишком много зелёных лягушек заметил с высоты своего полёта — и сразу забил тревогу. Разлетелись соколы во все стороны и стали осматривать окрестности, а вскоре поняли, что настоящим жабам угрожает беда — зелёные лягушки движутся к их болоту. Полетели тогда соколы к мудрой Эрме, а её у водоёма не оказалось. Бросились соколы на поиски. Самый зоркий из них, Ярик, издалека заметил Эрму. Ей грозила опасность!

Надо было срочно принимать решение. До лягушки-быка далеко, а то, что Ярик и его зоркие товарищи увидели с высоты своего полёта, сначала привело их в замешательство.

Но вскоре соколы поняли: зелёные лягушки не просто хотят вытеснить настоящих жаб с их территории. Они окружили мудрую Эрму, которая покинула свой водоём и ушла от него на такое дальнее расстояние, — ясно, что они хотят завладеть волшебной булавкой с главной тайной в жемчужном наконечнике. А это значит, что они стремятся захватить власть над всем лесом, хотят подчинить своей воле всех его обитателей!

«Арри! Теперь только мудрая волчица Арри может прийти на помощь! И она находится совсем близко! Надо спасти Эрму и приземлиться у логова волчицы, всё ей рассказать, а потом продолжить путь к лягушке-быку. Пока они с Эрмой доберутся до

его владений, Арри сможет оповестить медвежьи семьи, рысь, вожака диких кабанов, лисиц, а те, в свою очередь, остальных зверей, — рассуждал Ярик. — У нас очень мало времени. Зелёные лягушки испугались лишь на какое-то время. Их очень много, и они быстро соберутся с силами, чтобы продолжить наступление. Но мы с Арри не дружим и даже в ссоре. Захочет ли она говорить? Или же оскалит свою пасть? Может, Эрме удастся остановить её гнев, ведь нам всем грозит опасность», — тревожно кружил Ярик над волчьим логовом, издалека завидев волчицу.

Арри, за версту почуяв приближение чужаков, сразу бросилась укрывать от постороннего глаза своих волчат. А уж когда увидела кружившего над её логовом сокола, оскалила пасть, приготовившись как следует потрепать его за излишнее любопытство. Но сокол всё кружил и кружил и даже начал снижаться. «Невиданная наглость!» — негодовала волчица, готовая вцепиться в него своими клыками.

Но тут она заметила, что Ярик держит в клюве за лапку настоящую жабу. «Эрма! Это же Эрма! — мгновенно пронеслось в сознании волчицы. — Что-то случилось! Наверняка что-то произошло!» — заметалась Арри в нетерпеливом ожидании.

Ей хотелось побыстрее узнать, что же заставило мудрую Эрму покинуть водоём и преодолеть такое расстояние. Да ещё Ярик ей помогает! Волчица помнила доброту Эрмы, которая когда-то спасла её и волчат от верной гибели.

Охотники окружили их уже со всех сторон… Тогда она затравленно металась, буквально втолкнув своих ещё совсем маленьких деток в яму под корягой. Арри маскировала вход в неё и тихонько выла оттого, что не сможет защитить их в одиночку. Но вдруг рядом раздалось протяжное едва уловимое кваканье. Арри

прислушалась. Звали её. Волчица пошла на эти звуки и увидела жабу, тревожно глядящую на неё в упор своими выпученными глазами. Жаба показала овражек невдалеке, поросший крапивой и лопухами, за которым виднелся лесной валежник, родник, частый ельник, высокая трава. «Это как раз то место, где мы можем укрыться!» — подумала Арри и стремглав бросилась к яме. У неё были мгновенья, чтобы увести на новое место волчат, и они бежали по указанной Эрмой тропе что было мочи. А мудрая Эрма всё это время следила за тем, что происходит вокруг, готовая в любой момент подать сигнал об опасности.

И вот теперь Эрма вновь сидит перед Арри, и вновь в её глазах тревога... На шее, на едва заметной серебряной нити, серебряная булавка с жемчужным наконечником — тайна, хранительницей которой Эрма была долгие годы.

— Беда идёт большая! — прокричал сокол. — Зелёные лягушки объединились и хотят завладеть тайной. Если это произойдёт, погибнет лес, а вместе с ним погибнем и мы! Я должен помочь Эрме добраться до лягушки-быка. Там она сможет спрятать волшебную булавку и уговорить Талька остановить гигантскую Сирму. Нам надо спешить! Мы должны немедля продолжить наш путь! А ты, Арри, поднимай тревогу, собирай зверей на борьбу с полчищами зелёных лягушек, — Ярик подхватил Эрму за лапку и устремился ввысь.

А в это время остальные соколы разлетелись в разные стороны, чтобы предупредить лесных обитателей о грозящей беде.

— Ка-а-р-р! — прокричала главная ворона, издалека завидев приближающихся к гнездовью соколов. Подав сигнал опасности, она вся взъерошилась, распустила крылья и приготовилась к бою. Вороны часто не ладили с соколиным семейством — хоть и понимали, что те сильней, всё равно лезли в драку, которая всегда заканчивалась изрядно потрёпанными перьями. — Как они посмели вновь приблизиться к нашим гнёздам?! — негодовала главная ворона. Но присмотревшись к плавным взмахам соколиных крыльев,

она поняла, что незваные гости не настроены воинственно. Соколы что-то прокричали ей на лету и полетели дальше. Главная ворона на мгновенье замерла, обдумывая услышанное, а потом громко прокаркала тревогу.

— Гал, гал, гал, гал, — загалдели тут же беспокойные вороны и стали слетаться к месту вороньего сбора.

Соколы на лету предупредили и дятлов, но тревожную весть нужно было обязательно передать кукушке, чтобы та раскуковала её на весь лес. В гнезде, где по их подсчётам должна была находиться кукушка, соколы увидели перепуганную мухоловку, с ужасом смотревшую на вылупившегося из яйца птенца, большого, совсем не похожего на её детей — он напоминал колючего ёжика, только на его колючках уже успели распуститься такие же колючие кисточки. Птенец сидел, разинув ярко-оранжевый клюв. Мухоловка не успевала забрасывать туда пойманного паука или муху, как птенец вновь широко разевал рот и вновь требовал еду. Мама-мухоловка и папа-мухолов тут же бросались на поиски очередного паучка и изо всех сил старались побыстрее забросить в глотку птенца очередное кушанье.

«Бедные мухоловки! Они даже не подозревают, что это хитрая и ленивая кукушка подложила им в гнездо свои яйца. А чтобы не высиживать их, улетела подальше от этих мест и теперь сидит себе вдалеке и кукует, а папа с мамой мухоловы и не знают, что это огромное чудовище в их гнезде — вовсе не их сын!» — пересмеивались между собой соколы.

Услышав от соколов тревожную весть, мухоловки прекратили кормить ненасытное дитя и в растерянности замерли. Но раздалась заливистая рулада, птенец широко раскрыл рот — и перепуганные родители поспешили забросить туда очередную пойманную муху, чтобы любимое дитя не проголодалось.

— Чирик, чирик, чирик, — зачирикали уже воробьи, над которыми пролетели соколы. И совсем скоро лес наполнился разноголосым птичьим гомоном, услышав который даже ленивая ужиха

выползла из-под коряги и
теперь с любопытством поднимала
свою изящную головку, чтобы получше
разглядеть непонятно отчего переполошившихся
птиц и понять, о чём это они там судачат.

А тем временем мудрая волчица Арри, разнося по лесу тревожную весть, окончательно выбилась из сил и поняла, что без помощи Беляка ей не обойтись. «Он хоть и драчун, задира и потерял совесть до такой степени, что бродячей козе Катьке всю морду на днях исцарапал, но у него быстрые ноги. Они, словно мощные пружины, толкают этого несносного зайца вперёд, и бежит он с такой скоростью, что догнать его под силу только борзой собаке. Но Беляк труслив, — размышляла Арри, всё ещё не зная, как ей поступить. — Он так от лисы убегал, что от страха со всего размаха нырнул под воз с сеном, которое крестьяне в соседнюю деревню везли». Арри колебалась. На память ей пришел и другой случай, когда Беляк, завидев, как филин уже пикирует на него с высоты, упал на спину и сильными задними лапами стал наносить по могучей птице удары с такой силой и до тех пор, пока та не признала своё поражение. «Надо предупредить Беляка, что нападать на него я не собираюсь, и рассказать об опасности», — приняла, наконец, решение Арри.

Мудрая волчица издала долгий протяжный звук. Немного выждав, она снова завыла вибрирующим печальным голосом, подавая сигнал заячьему семейству.

Громкие звуки, которые доносились из кустарниковых зарослей и напоминали мычание быка, говорили о том, что мудрая Эрма и сокол Ярик наконец пересекли границу владений лягушки-быка. Ярик начал снижаться, а мудрая Эрма с высоты полёта стала высматривать, где бы мог находиться сам главный правитель этих мест. В отличие от их болота здесь протекала полноводная река с чистой водой, где всемогущий бык безраздельно правил и повелевал. Но обнаружить его было совсем не просто. Он хорошо плавал, поэтому постоянно менял своё местонахождение, а когда выбирался на сушу, то жил в кустарниковых зарослях, не давая неприятелю ни малейшей возможности заметить

себя. Бесхвостое тело лягушки-быка с кожей оливкового цвета с тёмными пятнами позволяло оставаться незамеченным. А если кому и удавалось найти быка, то даже подступиться к нему было очень трудно — его охраняли такие же большие и сильные лягушки-быки. Они издавали громкие звуки, напоминающие мычание настоящего быка, чем наводили ужас на непосвящённых путников, которые старались побыстрее покинуть их территорию и уйти подальше от этих мест.

Мудрая Эрма осторожно подступала к кустарниковым зарослям, понимая, что в любой момент неизвестно откуда может появиться огромная лягушка-бык и напасть на неё.

— Ква-а-а, ква-а-а! Я – Эрма, жаба из семейства настоящих жаб! — громко проквакала она. — Тальк! Я пришла к тебе с тревожной вестью! Выходи!

Кустарниковые заросли раздвинулись. Появившаяся лягушка-бык приняла устрашающий вид и издала громкий звук. Но Эрма не дрогнула и приготовилась выпустить яд, если ей будет угрожать опасность. Ещё немного задержавшись возле Эрмы, бык так же неожиданно исчез, будто растворился в зарослях. А ещё через мгновенье вышел сам могущественный Тальк, лягушка-бык. Тёмные пятна на зеленоватой коже делали его почти незаметным на фоне зарослей.

— Ква-а-а, ква-а-а, слушаю тебя, мудрая Эрма, — протяжно произнёс Тальк, поглядывая то с опаской и недоверием на сокола Ярика, то с беспокойством на висевшую на шее Эрмы серебряную булавку с жемчужным наконечником. — Если ты проделала такой дальний путь и унесла с собой булавку, в которой хранится тайна, значит, действительно что-то случилось.

Тальк и Эрма уединились и долго совещались, пытаясь придумать, как лучше поступить.

— Ква-а, ква-а, — с тревогой в голосе говорил Тальк. — Нам сложно будет справиться с гигантской жабой-агой Сирмой! Она подчинила себе почти всё жабье царство и как никогда сильна. Слуги Сирмы рыщут в поисках всё новых и новых водоёмов уже

далеко за пределами своих территорий. На её стороне перевес даже в численности. А если мудрая волчица Арри и приведёт на помощь зверей, Сирма может их убить или парализовать — от её сильного яда гибнут большие собаки и даже лисы и волки. Настоящие жабы и лягушки-быки не в силах бороться с Сирмой! Надо придумать какую-то хитрость.

Не успел Тальк договорить, как налетел ветер, такой сильный, что кустарники буквально прижало к земле. Эрма и Тальк едва удержались на месте. В воздухе послышался шум могучих крыльев — быстро приближались соколы. Снизившись и кружа над Эрмой, Тальком и Яриком, соколы кричали:

— Полчища зелёных лягушек захватили водоём мудрой Эрмы! И во главе этого огромного войска — сама Сирма! Предводитель настоящих красных жаб Герр окружён! Гигантская жаба-ага грозит уничтожить всех, если они не расскажут секрет и не отдадут волшебную булавку!

— Ква! Ква! Надо спасать Герра и всех обитателей водоёма! — в отчаяньи вскрикнула Эрма.

— Ква-а! Ква-а! Если Сирма сама стала во главе полчища зелёных лягушек, значит, она уже не остановится, пока не подчинит себе жабье царство, пока не завладеет серебряной булавкой и тайной леса! — квакал Тальк, перешагивая с места на место.

— Надо спешить! Туда! К водоёму! Надо спешить! Надо сообщить мудрой Арри, что гигантская Сирма нарушила все законы леса и пытается осуществить свои коварные планы! Её необходимо остановить, иначе она захватит Герра и потребует раскрыть нашу тайну. Сирма сильна, перевес на её стороне. Если она узнает тайну, мы все погибнем! — воскликнул Ярик, подавая сигнал соколам. Те подхватили мудрую Эрму и полетели в сторону логова волчицы Арри. Тальк со своим войском сильных лягушек-быков немедля выступил в сторону водоёма.

Они шли шеренгой к водоёму, окружая его плотным кольцом: волчица Арри и заяц Беляк, длинноногая цапля и мудрая Эрма,

лисята и медвежата, рысь и соболь, за которыми едва поспевала любопытная ужиха, и ещё много зверей и птиц, живущих в лесу. Такие разные — большие и маленькие, добрые и злые, с одними они дружили, других хотели съесть… Но всех объединяло одно: их дому, заповедному, необыкновенной красоты лесу, грозила опасность, и они должны были защитить тайну, которую много лет хранила мудрая Эрма.

Вперёд полетели соколы. Взмахами крыльев они подняли сильный ветер, который отбросил далеко назад полчища наступающих зелёных лягушек. Сирма, выставив вперёд свои огромные лапы, громко проквакала команду. Зелёные лягушки мгновенно поднялись и быстро запрыгали вперёд.

Первыми навстречу Сирме выступили лисы. Гигантская жаба-ага мгновенно выпустила свой страшный яд, который тут же сразил их. Лисы больше не двигались. Вновь налетели соколы, и вновь зелёные лягушки были отброшены назад. Но злая Сирма подала сигнал, и полчища зелёных лягушек тут же поднялись и двинулись вперёд широким шагающим шагом.

— Ка-а-а-р, ка-а-а-р, — во всё горло прокричала главная ворона, бросив боевой клич. И стая воронов закружила над гигантской Сирмой, пытаясь её заклевать. Сирма выпустила яд, и вороны замертво упали на землю.

А тем временем полчища зелёных лягушек уже подступали к тому месту, где звери приготовились вступить в жестокую схватку за свой лес и его тайну.

— Ква-а, ква-а, — квакали они при каждом шаге. Их было так много, что вскоре всё пространство у водоёма стало сплошь зелёным от бородавчатых панцирей несметного лягушачьего войска.

— Ква-ква-ква-ква-ква, ква-ква-ква-ква-ква, — громко хохотала Сирма, выпуская яд и парализуя всех, кто только пытался к ней приблизиться. Сама же она всё ближе и ближе подступала к Эрме. Та в свою очередь выставила вперёд крепкие передние лапы и приготовилась сразиться с Сирмой.

— Ква-а-ха-ха-ха, — веселилась Сирма, уже откровенно потешаясь над Эрмой. — Ты дряхлая жаба, пускай даже и настоящая. Лучше отдай по-хорошему волшебную серебряную булавку и выдай тайну, которая хранится в её жемчужном наконечнике, иначе несдобровать Герру, а твоя смерть будет страшной.

Мудрая Эрма выпустила яд. На какое-то мгновенье Сирма замерла, а потом расхохоталась с такой силой, что могучий лес содрогнулся.

Волчица Арри металась от безысходности. Яд у коварной Сирмы был очень сильным, и звери боялись подойти к ней ближе.

Вдруг налетел порывистый ветер. Размахивая большими крыльями, к водоёму быстро приближались аисты с соседнего болота — это соколы позвали их на помощь, поняв, как опасна Сирма и что справиться с ней будет непросто.

Зелёных лягушек разбросало в разные стороны, они покатились кубарем, подминая друг под друга.

Сирма оставалась неподвижной, пока не увидела прямо над головой приближающегося к ней аиста, — тогда дрогнула и она… Оглянулась назад — от её многочисленного войска мало что осталось: зелёные лягушки были разбросаны кто куда, а по берегу уже выхаживали на своих длинных ногах аисты, хватая их длинными клювами и расправляясь на месте.

Рядом раздались голоса, напоминающие мычание — это наступало подоспевшее войско лягушек-быков во главе с Тальком.

У Сирмы оставались мгновения. Она подошла поближе к замешкавшейся Эрме, которая уже ликовала оттого, что зелёные лягушки обратились в бегство, а войско лягушек—быков начало их преследовать… и выпустила яд. Мудрая Эрма, теряя последние силы, пыталась спрятать под собой серебряную булавку с жемчужным наконечником... А коварная Сирма уже была готова вырвать её — оставалось сделать всего лишь один шаг... Звери замерли от ужаса. Но тут к Сирме подскочил аист и клюнул так

сильно, что та распласталась на земле. А потом, подхватив за лапы и подняв высоко в небо, аисты бросили жабу-агу вниз.

— Ква-а-а… — только и услышали лесные жители беспомощный крик Сирмы. Ударившись о землю, жаба-ага превратилась в мокрое место.

Звери и птицы бросились к Эрме. Она спасена! Спасена и серебряная булавка с жемчужным наконечником, в котором заключалась главная тайна всех лесных жителей. Много веков тому назад её узнали далёкие предки настоящих жаб и стали передавать из поколения в поколение.

Когда-то, очень давно, долго ходили жабы по земле. Горы и пустыни встречались на их пути. Они изнывали от жары и погибали от жажды. И однажды, уже обессилев и отчаявшись найти такое место, где бы вольготно и сытно жилось, пришли жабы на сказочную землю, где их встретили высокие ели и могучие сосны, разные цветы и травы, что раскинулись одним большим разноцветным ковром. Тут были реки, в которых резвилась рыба, болота и водоёмы, где, веселясь, квакали и перекваквакивались между собой лягушки, стрекотали стрекозы, и на разные голоса пели птицы.

И так хорошо было кругом, что уходить больше никуда не хотелось. Остались жабы тут жить навсегда. А чтобы лес с его красотами оставался таким же, старая, очень старая настоящая жаба, прожившая всю жизнь в этом лесу, передала им серебряную булавку с жемчужным наконечником, которую она хранила глубоко на дне болота.

— В этом наконечнике — волшебная сила. Если булавкой владеют те, кто желает мира и добра, она даст силу всему живому: будут расти деревья, зеленеть травы, чистыми станут водоёмы. А лес даст жизнь всем его обитателям — птицам и зверям. Но если волшебной булавкой завладеет кто-то коварный, то сила, которая в ней сокрыта, может разрушить всё. Если прикоснуться жемчужным наконечником к чистой воде, она сразу станет мутной, и в ней погибнет рыба. Если прикоснуться к дереву – оно засохнет, и тогда погибнут птицы, если к болоту — оно высохнет, земля потеряет влагу и на ней погибнет всё живое, — сказала старая жаба, доверяя им эту тайну.

Далёкие предки передали волшебную булавку с жемчужным наконечником мудрой Эрме, а вместе с булавкой — и все тайны леса, которые им поведала когда-то старая, очень старая настоящая жаба. Только мудрая Эрма знала, сколько нужно водоёмов, чтобы деревьям, кустам и травам хватало влаги и множилась их живительная сила, где какой мох и кустарник должны расти, чтобы там грибы да ягоды водились, а белки, ежи и всякие другие зверюшки могли ими питаться.

А когда что-то случалось в лесу, Эрма доставала со дна водоёма волшебную булавку и спешила на помощь. Чтобы дерево не погибло, она прикасалась к нему жемчужным наконечником, чтобы не высыхал водоём — опускала в него волшебную булавку. И жемчужный наконечник раскрывал свою тайну, потому что волшебной булавкой владела мудрая Эрма, которая любила лес и всех его обитателей. Звери не только знали эту тайну, но и берегли её, хранили, потому что тоже очень любили свой лес и ту часть земли, на которой они жили.

Мой юный друг! Эта сказочная история произошла с самыми настоящими жабами и лягушками. И сердитая жаба-ага, коварная и очень ядовитая, самая большая из всего многочисленного семейства этих бесхвостых животных, родина которой — далёкая Южная Америка, и лягушки-быки, что очень любят жить возле чистых

водоёмов, и лягушки — травяные, и серые, и зелёные, и жабы красные и серые, и даже жабы-рыбы, и ещё многие другие, которые не попали в эту сказку, — все они живут на нашей планете. И каждая жаба или лягушка обитает в своём определённом месте, и у каждой свои заботы. А когда ты встретишь в лесу, в поле или у болота это симпатичное бесхвостое существо, не забудь, что все они, как и люди, имеют маму и папу и свой, но только особенный, дом, который они любят и защищают.

АРТАНИЯ
КАРТЫ
ЧИР'ЛАЙ

Тайны земли Артании

Часть I

Однажды вечером, когда за окном разгулялась непогода, внимание тётушки Руфь привлекли какие-то странные звуки. Отложив в сторону рукоделие, она стала вслушиваться в тишину: за дверью кто-то тихонько поскрёбывал когтями. Руфь привыкла к неожиданным посетителям и не удивилась, увидев на пороге старого немощного кота. «У него такой жалкий вид. Наверное, когда-то был он матёрым котярой, а теперь даже глаза стали совсем тусклыми и почти выцвели», — подумала тётушка Руфь. Её сердце сжалось от боли.

— Мяу, мяу, — простонал кот.

«Он просит о помощи», — поняла тётушка Руфь.

— Не волнуйся, я тебе помогу, — ласково произнесла она и впустила кота в дом.

Он был сильно исхудавшим и совсем немощным, но когда увидел тётушкиных помощников, которые тут же обступили его со всех сторон, готовые придти на помощь, собрал последние силы, чтобы казаться большим и величественным. Однако усталость, долгие дни скитаний в непогоду сделали своё дело. Кот буквально валился с ног. Тётушкины помощники подхватили его и уложили на старенький топчан, окружили своим вниманием и заботой: бабочки замахали крылышками, чтобы обсушить шерсть, а утки начали вытаскивать из неё колючки, а ещё застрявшие между когтей камешки. Ежиха Чифа принесла молока.

Кот закрыл глаза и, казалось, погрузился в глубокий сон. Тётушка Руфь, устроившись рядом с ним вместе со своими помощ-

никами: лисой Экой и зайчихой Трасис с зайчатами Веном и Лудом, стала внимательно разглядывать гостя, будто пытаясь что-то вспомнить. В доме воцарилась тишина.

— Неужели Ловл? — задумчиво произнесла Руфь.

Все удивлённо переглянулись.

— Тётушка Руфь, ты его знаешь?! Расскажи, расскажи нам о нём! — не удержалась зайчиха Трасис.

— Расскажи! Расскажи! — стала просить вся пушистая компания.

— Нет! — резко ответила тётушка. — Это не моя тайна!

Помощники тётушки Руфь от неожиданности замерли — они никогда не видели её такой. А всему причиной этот старый кот, так неожиданно появившийся на пороге их дома. Да ещё какая-то тайна… Её так хотелось узнать! Разволновались не на шутку и лиса Эка, и зайчиха Трасис, и даже зайчата Вен и Луд: удастся ли уговорить Руфь всё рассказать? Их просто распирало от любопытства. И ещё всем хотелось побольше узнать о таинственном госте.

— Я её нашел, — вдруг сказал кот, поднимаясь с топчана, будто ничего с ним не произошло, будто и не был он измучен голодом и скитаниями.

— Ты Ловл? — спросила тётушка Руфь.

— Всё ты знаешь, Руфь, — недовольно ворчал кот.

— Земля слухами полнится, — ответила тётушка Руфь, хитро прищурив глаза.

— Да, я — Ловл! Ты поможешь мне? — с надеждой спросил кот.

— Конечно, — без тени сомнения произнесла Руфь. — Но у меня есть одно условие: ты должен всё рассказать моим помощникам.

Кот о чём-то задумался.

— Хорошо! Они узнают всё! — наконец сказал он.

— Ты её нашел, Ловл? — с волнением в голосе спросила Руфь.

— До того места четырнадцать дней и ночей пути. Там, между огромными валунами, начинается едва заметная тропа. Человеку увидеть её сложно, а пройти по ней ещё сложнее, потому что она очень узкая. Мне кажется, что это именно та самая дорога, и ведёт она туда, где сходятся две полноводные реки, а потом неожиданно исчезает, уходит куда-то в пространство. Когда смотришь вдаль, кажется, что дорога ещё какое-то время рассекает воздух, а затем и вовсе растворяется в нём, превращаясь в лёгкую дымку, — таинственным голосом стал рассказывать Ловл.

Руфь открыла большой старинный сундук и с самого его дна осторожно достала небольшой сундучок. Он был вовсе не похож на те, которыми обычно пользовались в здешних местах. Ловл соскользнул с топчана и уже увивался у ног тётушки Руфь. Её помощники очень волновались. Они ничего не знали о загадочном сундучке. Руфь никогда раньше не рассказывала о нём!

— Потерянная страна, потерянная страна… Мы о ней так много слышали, но никто не знает, где же она находится. Нам обязательно нужно её отыскать! — взволнованно произносила тётушка Руфь.

— Страна? Да ещё кем-то когда-то потерянная? Как такое вообще может быть? — удивлённо переглядываясь между собой, рассуждали хитрая лиса Эка, ежиха Чифа и зайчиха Трасис.

Ловл явно чувствовал себя хозяином положения, ведь это он после стольких лет поисков и скитаний принёс важную новость.

Помощники тётушки Руфь сгорали от любопытства! Она же осторожно, так, чтобы не повредить старинный замок, открыла сундучок. В нём оказались сложенные аккуратной стопкой какие-то бумаги.

— Это же рукописи!? Судя по тому, что буквы на них почти стёрты, они очень древние, — перешёптывались ежиха Чифа с зайчихой Трасис. Неповоротливые утки в знак согласия только подкрякивали.

— Да, они такие древние, что никто не берётся определить их возраст, — таинственным голосом сказала тётушка Руфь, бережно раскладывая перед собой бумаги и внимательно рассматривая.

Заметив смятение своих помощников, она тихим голосом, словно боясь потревожить тайны столетий, которые хранили эти рукописи, произнесла:

— Они, как и сундучок, когда-то очень давно попали в эти места из далёкой Индии, и написаны на языке тех людей, что жили там когда-то. В них и сказано про таинственную и загадочную страну, которая много веков тому назад находилась где-то в наших землях. Она была очень красивой и богатой, потому что люди, которые в ней жили, много трудились, добывали олово и руду. А ещё здесь ковали мечи, да такие, каких ни у кого, ни у одного народа не было. Кузнецы делали их так искусно, что мечи можно было перегнуть вдвое, а когда отпускали, то они вновь возвращались в прежнее положение. Жители этой страны много торговали и с соседями, и с теми, кто жил далеко от них — за несколько морей,

мехами, свинцом, дорогими украшениями и ещё много чем. Только вот в свою страну они никого никогда не пускали. А если кто и приближался к её границам, то исчезал бесследно.

В доме воцарилась тишина.

Затем со дна сундучка Руфь достала свёрнутую в трубочку и перевязанную шелковой тесьмой карту. Она тоже была очень старой, такой, что тётушка Руфь, боясь, что та рассыплется от старости, осторожно развернула её и разложила на большом деревянном столе. Они склонились над картой — тётушка Руфь, кот Ловл и ее помощники.

— Худуд-ал-Алем сообщает, что есть на свете река Руса, берущая начало в глубине земли славян и текущая в восточном направлении, до самой границы руссов, — произносил Ловл, внимательно её рассматривая.

Руфь тут же начала искать на карте реку.

— Роса, здесь есть река Роса. Это наверняка та, о которой говорит Худуд-ал-Алем.

Ловл, осторожно перебирая бумаги, продолжал:

— И ещё тут сказано, что она проходит через город Куяб на Руси.

Руфь, без труда найдя на карте город, возразила:

— Но эта река не проходит через Куяб, то есть Киев. Она впадает в другую реку, судя по изображению, полноводную.

— А вот мудрец Идриси пишет, что до Куяба четыре дня пути, а от Куяба до этой страны Артании, а может, Арсании, о которой знают и купцы, и жрецы, и князья, и верховные правители, но никто и никогда там не бывал, тоже четыре дня пути! — произнёс Ловл, изучая рукопись.

Руфь и её помощники вновь склонились над картой. Они терялись в догадках.

— Артания… Артания… а может, Арсания? Она должна была быть где-то здесь, а может, даже где-то рядом с нами, — говорила тётушка Руфь, водя пальцем по нарисованной на карте реке Росе, впадающей в другую реку, от которой расходились в разные стороны большие и маленькие реки и речушки.

— Карты! Эти карты! Как сложно в них разбираться! Не то что мое чутьё и быстрые ноги. Руфь! Я, кажется, знаю путь в эту страну, и теперь мы сможем её отыскать! — явно довольный собой, мурлыкал кот, склонившись вместе с Руфь и её помощниками над картой.

— Тётушка Руфь! Тётушка Руфь! Расскажи нам, расскажи, что это за исчезнувшая страна и почему её никто не может найти? Что случилось? И Ловл обещал нам поведать эту тайну!

— Мя-а-а-у. Не-е-т, не могу, лучше пусть всё расскажет тётушка Руфь, — промяукал Ловл. Он сразу как-то обмяк и снова улёгся на топчан. Было видно, что силы вновь покинули его.

— Хорошо, слушайте, — наконец произнесла тётушка Руфь, глядя куда-то вдаль, словно пытаясь достать из глубин своей памяти очень важные для неё воспоминания и какую-то очень старую историю.

Давным-давно, когда в этом доме ещё жил Дровосек, отправились на охоту в лес два юных паныча, Ян и Стоян. Охота оказалась удачной, и панычи так увлеклись, что не заметили, как оказались далеко от дома, в дремучем лесу. Стали они дорогу домой искать: в одну сторону пойдут — могучие сосны да ели путь преграждают. Пойдут в другую сторону — а там непроходимые чащи, пробиться

сквозь которые невозможно. И оказались эти панычи в плену обступившего со всех сторон непроходимого леса. Сколько ни звали они на помощь людей, никто на зов не откликался. Сколько ни пытались пробиться сквозь лесные дебри, те обступали их ещё плотнее. А над лесом тем временем стали опускаться сумерки. Отовсюду слышалось завывание волков.

Учуяв людей, они подходили всё ближе и ближе, сверкая в ночи своими голодными глазами, а у панычей уже и смоляные факелы погасли.

— Мяу, — раздалось неподалёку.

Панычи не поверили своим ушам — откуда здесь, в непроходимой лесной чаще, может вообще кто-то находиться, а тем более кот? Они стали прислушиваться.

— Мяу, — прозвучало отчётливо и уже совсем близко.

Оглянувшись, панычи увидели светящиеся в темноте кошачьи глаза.

— Мяу, — твердым голосом произнёс кот.

— Мяу, мяу! — замяукал он уже более настойчиво, увлекая за собой панычей.

Те бросились следом.

Неожиданно лес расступился, и появилась дорога, на которую выбежал кот. Она была очень узкой, такой узкой, что почти невидимой. Панычи, всё ускоряя шаг, едва поспевали за котом. Вдруг он куда-то исчез, а они оказались среди огромных валунов, расположенных таким необычным образом, что казалось, будто их кто-то специально поставил в этом месте и в такой последовательности.

Дорога петляла между валунами, и было вовсе непонятно, куда та ведёт. Не покидало ощущение, что она разрезает пространство и по воздуху уходит в невидимую даль. Но панычи продолжали идти по ней, чувствуя твёрдую почву под ногами. Валуны остались далеко позади. Оглядевшись по сторонам, поняли панычи, что парят они над миром — огромным, красивым. Внизу оставались леса и

реки, по которым плыли гружённые разным товаром ладьи с гребцами, дружно налегающими на вёсла. На бескрайних лугах резвились кони, наслаждаясь своей силой и свободой…

Когда же панычи вновь услышали протяжное «м-я-а-у», то увидели, что стоят на горе, которая возвышалась посреди большого острова, со всех сторон окружённого маленькими островками, густо поросшими лесом, на самом её верху. Из глубокого ущелья вытекала быстрая полноводная река, а вокруг горы, у подножья, раскинулся город, совсем не похожий на те, которые они привыкли видеть в своей стране.

Город утопал в цветниках, что были разбиты возле аккуратненьких бревенчатых домов. Мощённые булыжником узкие улицы брали своё начало с одной стороны острова, и, огибая гору, заканчивались у берега реки, где теснились у причалов ладьи. Их было так много, что люди, которые по цепочке передавали с берега груз, едва не сталкивались друг с другом. Тогда раздавался громкий окрик надсмотрщиков. И люди старались работать быстрее, боясь наказания.

Свист пролетевшей стрелы вмиг заставил путников забыть и о загадочном городе с его красотами, и о необычных островах, которыми они только что любовались. К горе со всех сторон бежали стражники. Только теперь Ян и Стоян увидели, что город буквально опутан галереями, с которых за всем происходящим наблюдают хорошо вооружённые воины. Панычи бросились бежать под гору, да так быстро, что обгоняли ветер. До спасительного моста, перекинутого через реку, оставалось совсем немного. За ним начинался лес, нависающий над рекой плотной стеной, на вид такой же непроходимый, как тот, в котором панычи заблудились. Но тогда неприветливый, мрачный, обступивший их со всех сторон, он вызывал леденящий душу страх. А теперь — играл переливами в оранжевых лучах непривычно яркого солнца и, казалось, даже зазывал путников в свои чащи.

В этом лесу Ян и Стоян видели своё спасение. Оторвавшись от стражников на какое-то расстояние, они приостановились, пытаясь

отыскать удобное для спуска к реке место. Но стражники быстро приближались. Панычи снова бросились бежать. Гора была такой крутой, что они оступились, кубарем покатились вниз и у самого её основания провалились в глубокую яму, да такую глубокую, что и не помнили, как долго летели вниз. От страха у панычей так колотилось сердце, что казалось, будто кто-то молотом бьёт по наковальне.

Они упали на что-то мягкое и колючее, а когда очнулись — обнаружили, что лежат в стогу сена. Кругом была полная темнота. Как долго пролежали Ян и Стоян, боясь пошевелиться, они не знали, когда же поняли, что опасность миновала, осторожно разгребли сено и стали осматриваться по сторонам, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Темень и тишина обступали панычей со всех сторон. Ян и Стоян замерли, всматриваясь и вслушиваясь, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук. Вдруг молнией сверкнули чьи-то глаза, панычей обдало сильным порывом воздуха — рядом пролетела птица. От неожиданности они прижались друг к другу и замерли. Птица, словно коршун, бросилась вниз и мгновенно исчезла далеко в глубинах бездонного пространства. Панычи осторожно, стараясь ничем себя не выдать, глянули вниз, туда, где скрылась неизвестная птица, и вдруг увидели множество светлячков, которые освещали выложенную из камня лестницу. Она была узкой, очень крутой и уходила куда-то вниз, да так глубоко, что невозможно было определить, где она заканчивается. Казалось, лестница теряется, обрывается, пропадает в тёмной холодной бездне.

Панычи решили двигаться по ней. Может, это загадочная птица подала им какой-то особый знак, а светлячки осветили путь? Подниматься вверх было бессмысленно — они сразу же попадут в руки стражников.

Держась за руки, Ян и Стоян осторожно начали спускаться. Было темно, сыро и страшно. Панычи едва протискивались сквозь узкое пространство. Когда же силы начинали покидать их,

вспыхивало едва уловимое свечение — светлячки подавали сигнал двигаться дальше, указывая верный путь. И панычи, собирая последние силы, спускались всё ниже и ниже. Наконец они оказались у высокой массивной двери. Она возникла так же неожиданно, как и всё, что происходило с ними за последнее время. Ян и Стоян замерли в нерешительности. Дверь сначала бесшумно приоткрылась, как бы приглашая путников войти, а потом широко распахнулась — панычам даже не надо было прилагать усилий.

— Хе-хе, хе-хе, — услышали они добродушный голос мило улыбающегося старичка. Он смотрел на них поверх больших круглых линз, закреплённых странным образом. Каждую из них за ухо цепляла серебряная дужка. А вот как эти линзы закреплялись на носу, было непонятно. Казалось, они просто висят в воздухе. На голове у старичка был капюшон, который ни к чему не пристёгивался, а разрез на рубахе скрепляла круглая фибула-застёжка медно-зеленоватого цвета — в тон кожаной жилетке.

Небольшое сводчатое помещение буквально всё было заставлено глиняными большими и маленькими горшочками и горшками, расставленными на лавках, под лавками, на полках и полочках. В них всё шипело и булькало, кипели отвары, от которых исходили стойкие непривычные ароматы: от одних — терпкие и пьянящие, от других — сладковатые. От больших горшков шёл пряный запах. На каменном полу лежали разложенные по кучкам разные травы и коренья, сушёные и вяленые грибы, а на полках в аккуратно расставленных баночках находились, судя по резкому запаху, восточные пряности.

— Хе-хе-хе-хе, — добродушно улыбался старичок-добрячок. — Давненько я вас поджидаю, давненько. — Панычи буквально замерли от его слов. На их лицах читались удивление и недоумение. — Хе-хе, хе-хе, — продолжал посмеиваться старичок, — не стоит удивляться. Я действительно давно вас жду. Но вы оказались бесстрашными и гораздо быстрее, чем я ожидал, преодолели

очень непростой путь. Добро пожаловать в Княжескую гору! А она очень непростая, эта гора, — не без удовольствия протяжно тянул старичок-добрячок. — Добро пожаловать в страну Артанию. В заморских землях её ещё зовут Арсанией или Артой, но она — Артания!

— Кто вы? И что вы тут делаете? — совсем осмелев произнёс наконец Ян. — И почему вы нас давно поджидаете?

— О моё юное дитя! Не всё сразу! Вам предстоит так много узнать! — загадочно тянул старичок-добрячок.

— Кто вы? И зачем мы вам понадобились? – уже более твёрдым и уверенным голосом сказал Стоян.

— Сначала, юные панычи, вам нужно с дороги подкрепиться и немного приободриться. У меня для вас уже всё припасено, — засуетился старичок-добрячок, довольно покряхтывая и потирая руки. Он подхватил глиняный кубок, в котором ещё кипела какая-то ароматная жидкость, и, что-то приговаривая и бормоча себе под нос, начал искать глазами на полках. — Рябина, рябина, конечно же, собранная пять зим и пять лет тому назад рябина!

Взяв щепотку сушёной рябины, старичок-добрячок бросил её в кубок. Раздалось шипение, отвар вспенился. Подождав, пока он остынет, старичок хитро прищурил один глаз и промолвил:

— Выпейте, молодые панычи, мой отвар. Он вас обязательно взбодрит.

Ян сразу отхлебнул из кубка напиток, а Стоян ещё какое-то время не решался, сомневаясь, стоит ли доверять незнакомому старику из страшного подземелья.

— Пей, паныч, — настаивал старичок-добрячок, — станешь сильным и смелым.

Стоян отхлебнул ароматный напиток. И сразу внутри заурчало, тело похолодело, начало подступать чувство страха. На них в упор смотрел холодными глазами с отсутствующим взглядом старик. Его капюшон сполз на плечи, по которым разбросались длинные седые волосы. Ян и Стоян от неожиданности отпрянули в сторону.

— А теперь слушайте меня внимательно и запоминайте. Ты, паныч Ян, скоро превратишься в кота, а ты, Стоян — в крысу. — На лицах панычей отразился ужас. — Да-да, в кота и крысу! Колдун Чиртай ещё никогда не ошибался, и сваренный напиток проверен не один раз. Вам предстоит пробраться к центру Княжеской горы, по узкому подземному ходу попасть в город и добраться до терема, где живёт одна из жён князя, Агата. Ей прислуживает хитрый и коварный кот Хан. Каждую ночь, как